

УДК 94(4):342.56(045)

*Ю.Е. Ивонин***ИМПЕРСКИЙ ПРИДВОРНЫЙ СОВЕТ В СТАРОЙ ИМПЕРИИ**

В статье проведён сравнительный анализ функций и деятельности высшей судебной инстанции Старой империи (Священной Римской империи германской нации) в раннее Новое время. Автор показывает особенности этого суда и степень влияния на него имперских властей. Имперский придворный совет был создан в противовес имперскому камеральному суду, который в большей степени защищал интересы территорий. На заседаниях Имперского придворного совета присутствовали императоры, которые определяли его состав. Необходимо также отметить, что в его составе преобладали представители католических сословий. Имперский придворный совет являлся частью имперской системы управления с чётко обозначенными функциями. Его создание должно было укрепить положение и роль имперских властей. Значение Имперского придворного совета увеличивалось, но его нельзя интерпретировать просто как раннеабсолютистские притязания имперских властей. В компетенцию Имперского придворного совета входили споры между имперскими чинами, между территориальными господами и земельными чинами, имперскими городами и бюргерством. Автор подчеркивает, что работа суда была детально регламентирована, но недостаточно эффективна вследствие отсутствия сильной исполнительной власти.

Ключевые слова: Старая империя, Имперский камеральный суд, Имперский придворный совет, имперская конституция, Германия.

Отмеченный недавно 200-летний «юбилей» распада Священной Римской империи германской нации (1806 г.) вызвал массу общих и специальных работ, осветивших многочисленные проблемы её истории. Одна из таких проблем — роль имперских судов в правовой и в государственно-политической системах Старой империи. Суть дела в том, что правовая система Империи нуждалась (что особенно было видно в эпоху Просвещения) в упрощении по причине её сложности, но этого не выполнили, хотя правовая защита со стороны имперской судебной системы была нужна её подданным. Высшими судебными органами стали Имперский камеральный суд (Reichskammergericht) и Имперский придворный совет (Reichshofrat), о котором пойдёт речь в этой статье [9, с. 158; 8, s. 86; 37, s. 82, 88]. С одной стороны, имперская юстиция выступала как гарант мира в Империи, особенно начиная с провозглашённого на Вормском рейхстаге 1495 г. «вечного земельного мира»; с другой стороны, у имперских судов, именно имперского камерального суда и имперского придворного совета, возникали трудности в использовании их функций как защитников мира в результате (прежде всего) начавшейся Реформации. Созданный на Вормском рейхстаге 1495 г. Имперский камеральный суд заседал без присутствия императора. Он возник в результате соглашения между императором Максимилианом I и имперскими чинами и был свободен от императора и влияния на него имперских князей. После заключения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. все религиозные проблемы решались на уровне равенства религиозных партий. Традиция постоянного нарушения земельного мира началась давно: Майнцский земельный мир 1235 г., положивший начало заключению таких соглашений, вскоре же стал нарушаться. Сложность правовой имперской системы заключалась в длительности её существования, затруднявшей деятельность законодательных органов. Вообще до сих пор при оценке Имперского камерального суда исходили из сложившейся в историографии XIX в. модели строго организованного централизованного государства. Имперский камеральный суд был ядром имперской реформы императора Максимилиана I, в рамках которой удалась модернизация конституции и управления. Десятилетиями, последовавшими за Реформацией, протестантские имперские чины не хотели финансировать имперский камеральный суд. Тем не менее, в спорных случаях они часто обращались в этот суд, в то время как Имперский придворный совет предпочитал играть роль просто медиатора и умиротворять тяжущиеся стороны. После заключения Аусбургского религиозного мира религиозные конфликты не только обострились — они всё больше рассматривались в имперских судах. Но предупредить Тридцатилетнюю войну имперские суды не смогли. Имперский придворный совет, в котором император был верховным судьёй, а его представитель — президентом, подчинялся императору. Визитации осуществлялись майнцским курфюрстом как имперским эрцканцлером [16, s. 435–480; 22, p. 1, 12–15; 4, s. 3–5; 11, s. 161–167; 9, s. 38–49; 37, s. 88].

Характеризуя оценки имперских судов германскими юристами сразу же после распада Старой империи, К. Хертер, известный современный историк права, выделяет две довольно противополож-

ные тенденции. Большинство юристов того времени считало, что правовая система Империи в условиях территориального, политического, конфессионального и правового фрагментированного пространств выполняла важные функции, а имперские суды были лучшей частью германской имперской конституции. Другие же юристы (эта оценка сохраняется до сих пор) рассматривали правовую систему как скелет инвалида (Kueppel-Skelett). В германской историографии долгое время сохранялась негативная оценка имперской правовой системы как отличавшейся несовершенствами, расколотостью и необязательностью, тогда как судебные системы Австрии и Пруссии были образцовыми. Продолжая свою мысль, Хертер подчёркивает, что имперская система перед первым рейхстагом раннего Нового времени (Вормский рейхстаг 1495 г.) строилась преимущественно на обычном праве и частично на «договорных» соглашениях имперского права. Напряжённое поле отношений между имперским правом и партикулярным правом имперских чинов создало в современной историографии почву для дискуссий о характере Старой империи как «имперской системы» (Б. Рек) и или «комплементарного имперского государства» (Г. Шмидт). Имперская система не была современным государством, «договорной» характер и происхождение Империи никак не совпадали с монополией государства на законодательство [22, s. 87–94].

В современной отечественной историографии даётся краткая, достаточно чёткая, но не полная характеристика Имперского придворного совета, основанного при императоре Карле V, как более зависимого от императора, нежели камеральный суд. В Имперском придворном совете рассматривались дела имперских ленов, привилегий, прав и регалий, предоставленных имперским чинам императором. В целом же имперский камеральный суд сыграл существенную роль в утверждении гражданских прав и свобод в германских землях. Как бы в противовес камеральному суду был создан Имперский придворный совет. Он формировался длительное время, возникнув сначала как Придворный совет (Hofrat, Consilium aulica). Император Максимилиан I стремился создать судебный орган, имеющий право разбирать общеимперские дела. Поскольку в его руках остался минимум представительства в камеральном суде, он пытался передать новой инстанции часть полномочий судебного характера. Когда его внук Фердинанд I стал императором, он преобразовал этот совет в Имперский придворный совет, сделав его, таким образом, общеимперским учреждением. В нём, правда, разбирались дела наследственных австрийских земель, что показывало его двойственный характер. К тому же состав Совета определялся только императором. В отличие от камерального суда дела в Имперском придворном совете решались гораздо быстрее, хотя процедуру принятия итогового вердикта юристы считали не всегда законной. Но такое мнение не было вполне справедливым, так как итоговое решение принималось после ознакомления с информацией комиссий. Во время Тридцатилетней войны, впрочем, протестантские чины упрекали Совет в склонности к католическим чинам, которые в спорных вопросах предпочитали обращаться к нему. Но равенство конфессий не было установлено, и протестанты оставались в меньшинстве в придворном совете [3, с. 212–218; 2, с. 161–163; 1, с. 69].

Естественно, что процессы земельных чинов против территориальных князей шли чаще всего в имперском камеральном суде, менее зависимом от императора [17, s. 179–180; 36; 32]. Кроме вышеозначенных функций, имперские суды выполняли связанные с ними функции защиты малых и средних имперских чинов от агрессии со стороны крупных чинов. Они были восстановлены согласно требованиям Вестфальского мира 1648 г. Имперский камеральный суд был высшей судебной инстанцией, контролируемой чинами и находившейся в Шпейере, откуда в 1693 г., вследствие наступления французских войск, он не был перемещён в Вецлар. Деятельность суда обеспечивалась пропорционально имперскими чинами, но никогда вместе не заседали все 50 ассессоров. В определённой степени Имперский придворный совет можно назвать результатом исторически возникшей «монструозности» Империи. Современники, как и последующие поколения историков, пишет Х. Шиллинг, по-разному оценивали оба суда. Несмотря на то, что в имперском совете заседали 6 представителей протестантского лагеря во главе с представителем Бранденбурга-Пруссии, протестанты всегда выступали против него. Тем не менее, в случае необходимости они прибегали к его помощи. Во всяком случае, Имперский придворный совет способствовал улучшению положения императора в Империи с конца XVII в. благодаря решению многочисленных конфликтов между князьями и подданными. В то же время камеральный суд играл всё меньшую роль контрольной инстанции для судов низшего звена. В принципе оба суда играли роль скоб имперского единства, не будучи антагонистами и конкурентами. Развитие правового государства в Германии нельзя рассматривать без этих судов. Если в Западной Европе правовое государство рассматривалось как политическая система для сохранения и защиты

прав человека, то в Германии отчётливо немцами накапливался исторический опыт привыкания к форме *государства* как идущего по пути создания *правового*. Защита гражданских прав доверялась обоим судам, без чего политическая система могла измениться, тогда как необходимо было сохранять Империю как «государство юстиции» [32, s. 112–117].

Важно отметить, что формально император оставался главой обеих высших судебных инстанций, хотя имперские чины могли оказывать сильное влияние на имперский камеральный суд. Они избирали судей, называвшихся *ассессорами*, определявшими судебные процедуры, наконец, находились в имперских городах (Франкфурт-на-Майне, Шпейер, Вецлар), так сказать, за пределами непосредственного контроля со стороны императора. Оба суда профессионально были хорошо организованы, так как состояли из обученных и проверенных советников и судей, а также профессионально подготовленных чиновников (адвокатов, прокураторов, стряпчих, секретарей и др.). В деятельности обоих судов использовались, кроме имперского права, также публичное римское право, территориальное и коммунальное право. В этом смысле Старую империю можно охарактеризовать как имевшую многоликую правовую систему, основанную на имперском законе, самоуправлении и высших судебных инстанциях, но одновременно — на различных степенях автономии для земельного и локального уровней. Плюрализм судебной-правовой системы Старой империи, отличавшейся многообразием правовых уровней, конечно, не подходил для модернизации в рамках нации-государства Нового времени [21, p. 125–131; 12; 15; 26; 5].

Камеральный суд, в отличие от Имперского придворного совета, был далек от императорской власти. Как орган земельного мира, он зависел от имперских чинов и нёс в себе слабости и несостоятельность всех имперских инстанций, выражавшихся прежде всего в конкуренции между старыми имперскими притязаниями и сословными свободами, воплощёнными в тенденции вернуться назад к территориальной государственности и увеличить независимость суда от имперских властей. Если Аугсбургский рейхстаг 1547–1548 гг. укрепил власть императора по отношению к камеральному суду, то мятеж князей в 1552 г. способствовал возобновлению движения камерального суда к большей самостоятельности. После заключения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. камеральный суд стал играть большую роль в конкуренции между императорами и чинами, особенно в конфессиональных вопросах. Примерно 3/5 жалоб в Имперский камеральный суд исходили от протестантов, 2/5 — от католиков. Во всяком случае его роль как защитника земельного мира усилилась и занимала существенное место в организации имперского административного порядка. Имперский придворный совет так или иначе был высшим судом для императора и Империи в отличие от Имперского камерального суда. Но имперские чины видели, что независимости Имперского придворного суда угрожает император. Они (прежде всего — протестантские чины) не соглашались с императорским преимуществом. В любом случае жизнеспособность Имперского придворного совета зависела от личности императора. Профессиональная квалификация членов Имперского придворного совета, согласно инструкции императора Рудольфа II, должна была иметь юридический характер. Но, несмотря на это, имперские чины жаловались на недостаточную квалификацию советников [31, s. 1–5; 9–13, 20–21, 30–33, 42–43; 18, s. 1–13; 33, s. 15–44].

Оба суда в территориальных конфликтах занимали по сути позицию третейского суда. Они были заполнены многочисленными жалобами на князей или правящие круги, особенно — Имперский придворный совет, который императоры использовали как инструмент, чтобы ослабить стремление территориальных чинов к автономии. Примечательно, что императоры и имперские чины действовали как противостоящие друг другу силы в рамках имперского союза. В перспективе такое положение давало надежду на преобразования имперской конституции, как пишет З. Вестфаль, потому что могло привести к решению основных политических конфликтов с помощью правовых средств. Не только католические, но даже протестантские чины Имперского придворного совета принимали и рассматривали жалобы, несмотря на попытки вождей *Corpus Evangelicorum* дискредитировать императорский суд. Во всяком случае имперские суды, в первую очередь — Имперский придворный совет могли стать средствами укрепления имперского мира [35, s. 235–253].

Не устарела в полной мере детальная характеристика Имперского придворного совета О. фон Гшлисера в его монографии 1942 г. Задуманный императором Максимилианом I как противовес Имперскому камеральному суду, этот суд под названием *придворного совета* при Карле V стал играть роль высшей судебной инстанции и уже при Фердинанде I получил своё полное название. В его компетенцию входили споры между имперскими чинами, между территориальными господами и земель-

ными чинами, имперскими городами и бюргерством. Но на исходе XVI в. в Германии снова обострилась религиозная борьба. Преодолев суровые испытания Тридцатилетней войны, имперские чины в результате компромиссов сумели так решить вопрос, что бывшие в меньшинстве протестантские чины на заседаниях Имперского придворного совета стали не только пользоваться равенством в религиозных вопросах, но могли и председательствовать [24, s. 1–7, 21–22, 52, 60–61].

В любом случае императоры исполняли в Империи роль высших судей. Имя императора стояло в верхней части всех решений Имперского придворного совета; имперский эрцканцлер и имперский вице-канцлер могли председательствовать на заседаниях Имперского придворного совета, но это не свидетельствовало о разделении властей и независимости суда. Кстати, Гшлисер не давал такой оценки, он лишь констатировал факт, а также подчёркивал, что судьи являлись одновременно советниками, секретарями могли быть секретари имперской придворной канцелярии, что говорило о едином (в принципе) органе управления или о двух ветвях управления [24, s. 65–69, 77–79, 85–87]. Вообще же Гшлисер отмечал, что в период с 1559 по 1806 г. никаких особенно важных событий в истории Имперского придворного совета не произошло, так как этот орган, в котором заседали представители высшего дворянства, служил, прежде всего, средством сохранения внутреннего мира и социального положения дворянства [24, s. 514–518].

Процессы по религиозным проблемам становились более частыми, и Имперский камеральный суд не мог от них отмахнуться. Империя не могла стать островом спасения, на котором можно было спастись от конфликтов в европейской системе государств [30, s. 5, 19, 26–27, 30–41]. Перенос резиденции камерального суда из Шпейера в Вецлар не способствовал улучшению его работы, к концу XVIII в. он, как и многие институты Священной Римской империи, был малоэффективным [13, s. 74–77].

Положение Имперского камерального суда до конца Старой империи не изменилось. Образование властных структур земельных властителей первоначально позволило формировать высшую судебную власть в территориях и тем самым создавать собственное «высшее право». Судебная власть в территориях носила часто патримониальный характер и подчинялась государству. В конце XVIII в. законодательство в Пруссии и Австрии пыталось устранить вмешательство государства в деятельность судов. В целом в территориальных государствах последовало основательное преобразование положения судов. 3. Вестфаль хорошо показывает политическое влияние имперской судебной системы на примере малых тюрингских княжеств в 1648–1806 гг.: она подчёркивает, что имперские суды были важными и центральными институтами в урегулировании территориальных конфликтов. Малые тюрингские княжества не могли защитить себя от притязаний соседей, а также разобраться во внутриэрнестинских конфликтах. Поэтому они обращались к императорской юрисдикции и открывали для императорской стороны пространство играть на втором уровне [14, s. 1–7, 9–64, 21, 223–224; 11, s. 283–286; 36, s. 83–109].

Была ещё одна проблема: именно — влияние императора в Имперском придворном совете на имперскую юстицию в противоположность Имперскому камеральному суду, тем более, что решения совета были простыми, быстрыми и эффективными. Но они продолжали традицию дихотомии император — чины, поскольку чины считали Имперский камеральный суд высшей судебной инстанцией в Империи. Императоры (особенно Рудольф II) стремились усилить роль Имперского придворного совета. В свою очередь, католические чины искали покровительства при императорском дворе. Но контроль имперских чинов за деятельностью Имперского придворного совета был центральным пунктом в дискуссиях о конституционно-политических противоречиях перед Тридцатилетней войной [20, s. 27–44].

Конечно, Имперский камеральный суд находился в значительной зависимости от ситуации и поворотов имперской политики. Несмотря на сложные проблемы начала XVI в., рейхстаг в Вормсе в 1521 г. означает поворот к постоянному камеральному суду, который начал с 1527 г. работать в Шпейере. В 1520-е гг. положение имперского камерального суда ещё во многом определялось правовыми и конституционно-политическими антагонизмами между императором и имперским правительством (регimentом), но в то же время увеличивалась его независимость от тогдашних имперских институтов и прерогатив пфальцских и саксонских курфюрстов. Наконец, в эти же годы окончательно установились должности имперского наместника эрцгерцога Фердинанда в рамках так называемого второго брюссельского договора о наследовании, а также полное оформление Имперского придворного совета. Имперский викариатный суд как самостоятельный суд более не мог функционировать [27, s. 37–51].

Имперский камеральный суд, игравший роль высшего суда Старой империи, оценивается сегодня как ядро имперской реформы Максимилиана I. Он был первой инстанцией, в которой в форме гражданского процесса рассматривались все дела, касавшиеся Империи: нарушения имперского мира, жалобы из-за неправильного использования права и притеснения низших судов [6, s. 550–563].

Правовая помощь в процессах, основанных на доказательствах, была показателем наивысшей юрисдикции в Старой империи. Но сами по себе общие правила деятельности Имперского камерального суда и Имперского придворного совета не содержали конкретных принципов оказания правовой помощи. В отдельных территориях правила были очень дифференцированными. Институт правовой помощи заключался в том, что приглашались юристы, составлявшие грамоты и готовившие исполнение приговора. Такая правовая помощь уже была в римском праве, в каноническом праве и в германском окружном праве. Общее право было решающим шагом к всеобщему признанию этого процессуального института. Оказание правовой помощи имело решающее значение во многих гражданских процессах. Столетия спустя сохранились практические основы, которые вызвали применение правовой помощи [26, s. 155–167].

Естественно, растущее значение Имперского придворного совета и прямое вмешательство императорских комиссий в конфликты между имперскими чинами наталкивалось на политическое сопротивление. Так, конфликт из-за императорской юрисдикции повлек за собой борьбу за право интерпретации ситуаций, связанных с окончанием войн, которая была характерна для протестантской критики. Поражение протестантской партии в 1548 г. означало конец автономии имперских городов. Они были не в силах бороться против территориальных князей. В редких случаях имели место жалобы перед Имперским придворным советом. Процессы требовали огромных средств. Приходилось судьям ожидать благоприятных политических условий ряд десятилетий. Но отношения между Имперским придворным советом и имперскими городами не были ограничены. Впрочем, способы разрешения конфликтов в совете не были похожи на строго формализованные процессы в Имперском камеральном суде. Император Фердинанд III, в отличие от своего предшественника Фердинанда II, отказался от использования императорских комиссий как инструмента агрессивной имперской политики императоров. Его поведение как имперского верховного главы всё же в различных конфликтах в Империи способствовало сохранению имперского союза. В конце Тридцатилетней войны усиливаются конфликты между бюргерством имперских городов и Имперским придворным советом. Для имперских городов Имперский придворный совет был более, чем местом суда, в котором можно было изменить конституции имперских городов. Благодаря этим функциям как высшего имперского суда в конкуренции с Имперским камеральным судом становилась возможной стратегия разрешения конфликтов [20, s. 27–46; 27, s. 47–81; 30, s. 129–153].

Имперский придворный совет при императоре Максимилиане II играл важную роль в попытках проведения имперской реформы, в том числе в решении сложных споров между крупными имперскими чинами. На заседании 3 сентября 1569 г. рассматривались три серьёзных конфликта. Первый из них представлял собой таможенный спор между маркграфом Карлом Баденским и эрцгерцогом Фердинандом Австрийским; спор между имперским городом Нюрнбергом и маркграфом Бранденбург-Ансбахским и иск о наследстве Маргариты фон Шварцбург против её братьев. Другие споры касались жалоб подданных средней руки или просьб об оказании имперской помощи. В противоположность Имперскому камеральному суду дела, рассматривавшиеся в Имперском придворном совете, были существенно сложнее. В Имперском камеральном суде они велись обычно камеральными судьями, которые выполняли репрезентативные функции и не имели юридического образования. Так как в Имперском придворном совете отсутствовала служба прокураторов, основные функции выполняли так называемые агенты Имперского придворного совета, представлявшие княжеские дворы при императорском дворе. На пленуме Имперского придворного совета председательствовал император как высший судья, тогда как в Шпейере председательствовал его представитель. Хотя формально имперской придворной канцелярией руководил курфюрст Майнцский, окончательные решения принимались императором. Курфюрст осуществлял не только внутреннюю и внешнюю имперскую политику, но до 1620 г. в значительной степени и политику Австрийского Дома. Он был членом Имперского придворного и Тайного советов, его частое участие в важных дипломатических миссиях подчёркивало важность его положения. Председатель Тайного совета Ульрих Цезий тоже был членом Имперского придворного совета. Другие же из них не были заняты исключительно в правовой области, но всегда выполняли дипломатические миссии. В сущности двойной характер и совета, и суда во времена

Максимилиана II был ещё достаточно сильно выражен. Существовала тесная связь Имперского придворного совета и органов власти в Вене через Имперскую придворную канцелярию и Тайный совет, благодаря чему у членов Имперского придворного совета был непосредственный доступ к императору, что существенно отличало его от Имперского камерального суда. К тому же в Имперском придворном совете все решения принимались большинством голосов, на что оказывало влияние вовлечение в работу совета самого императора [34, s. 14–27].

В Имперском придворном совете существенную роль играли учёные юристы бюргерского происхождения из имперских городов, высокая юридическая компетенция которых происходила от обязательного пребывания их в университетах Болоньи и Падуи, а также от предыдущей службы при княжеских дворах или в Имперском камеральном суде. Отметим также, что при императоре Максимилиане II большинство жалоб в Имперский придворный совет поступало от протестантов (270), тогда как от католиков — только 173 жалобы. Но выбор членов комиссий не имел при этом конфессионального характера. Как католики, так и протестанты искали в Имперском придворном совете правовую защиту. Конфессиональный вопрос не играл никакой роли при выборе императорского суда, а Имперский придворный совет не давал католическим комиссарам никаких преимуществ. Хотя большинство комиссий защищало церковное имущество, главной целью в правление этого императора было сохранение именно имперского мира, а не конфессионального преимущества [34, s. 39, 78, 110].

Рассмотрение отношений между комиссарами и партиями показывает, что на севере Империи комиссий было меньше, чем в прирейнских землях (в Швабии и Франконии), где находилось множество имперских чинов. Многие зависело от традиционных отношений сотрудничества или конкуренции. Такой характер лёг в основу конфликта между графом Иоахимом фон Ортенбургом и герцогом Альбрехтом Вильгельмом Баварским. Авторитет имперского суда оказал массивное влияние на баварского князя [34, s. 194–197]. В принципе Имперский придворный совет решал споры на основе конфессионального паритета в стремлении обеспечить стабильность и земельный мир. Во всяком случае, вырабатывался стиль долгого и многостороннего разбирательства, характерный для деятельности институтов Старой империи [34, s. 296–298].

При императоре Рудольфе II, известном своими антиреформационными взглядами, в деятельности Имперского придворного совета произошли изменения, которые проанализировал С. Эренпрайс. Конечно, едва ли возможно переоценить религиозную проблематику и её влияние на имперском и территориальном уровнях. Попытка создать имперское право на общих основах не получилась, и участие протестантов в движении по частям *itio-in-partes* на паритетной основе в новом варианте имперского религиозного права было утрачено уже перед Тридцатилетней войной. Время правления Рудольфа II с 1576 по 1612 г. было отмечено ужесточением религиозных конфликтов и усилением территориализма. В этих условиях эффективность Имперского придворного совета по отношению к Имперскому камеральному суду усилилась, сам Имперский придворный совет становился инструментом католической партии и поэтому подвергался критике со стороны протестантских имперских чинов. В процессе конфессиональной конфронтации император как глава Империи играл решающую роль, но должностные лица исполняли его указания по-разному. Турецкая угроза заставляла императора искать союзников в борьбе с ней, в том числе маневрируя в отношениях с Имперским придворным судом. Конечно, основным критерием при оценке деятельности Имперского придворного суда является количество жалоб и принятых по ним решений. Их количество фиксировалось в заключительном годовом протоколе, но точное число процессов установить трудно; кроме того, в протоколах давались неполные данные. Необходимо также заметить, что в рецепции римского права в Германии существенную роль играл Имперский камеральный суд, что побуждало региональные элиты из всех частей Империи изучать практику камерального суда и приобретённые знания далее использовать на своих территориях. Похожих тенденций не наблюдалось в деятельности Имперского придворного совета. Порядок Имперского камерального суда 1555 г., Золотая булла 1356 г., императорская избирательная капитуляция и заключительные акты рейхстага, начиная с 1559 г., всё же не были нормативными основами работы Имперского придворного суда. В Порядке Имперского придворного совета и в инструкции Рудольфа II чётко не определялись правила деятельности этого суда. С одной стороны, император был в Империи высшим судьёй; с другой — монархический принцип *princeps legibus solutus* запрещал ограничивать императорскую правовую власть [19, s. 16–19, 29–33].

Приватные контакты участников процессов и их хорошая репутация также помогали в решении дел на основе взаимных обязательств для того, чтобы ослабить нападки противной стороны или преду-

беждения Имперского придворного совета против адвокатов. Были возможны также угрозы участвовавшим в процессах юристов в виде заключения в тюрьму или изгнания из Империи: например, за использование лжесвидетелей. Важным моментом легитимности было унаследованное от средневековья согласие сословий и короны. Императорская прерогатива или право абсолютного законодателя противоречили такому пониманию дела. В противоположность Имперскому камеральному суду следствия этой дилеммы не были непосредственными, кроме момента длительного институционального признания, когда императорской власти угрожал кризис легитимности. Это было важно для восстановления имперского мира с помощью компромисса, особенно при использовании возможностей императорских комиссий. Главным становилось правовое объяснение для подателя жалоб, надеявшегося на решение императора. Здесь важно отметить, что часть имперских управленческих органов в Вене при Рудольфе II была основана ещё при Фердинанде I и принадлежала к габсбургскому территориальному комплексу. Отделение королевского двора от органов государственного управления показывало в раннее Новое время (как пишут современные авторы) путь создания современного государства. Но в XVI в. габсбургская система управления была ещё нестабильной и стояла на пороге изменений в способах управления, которые приведут к успеху в XVII в. В XVI в. многочисленные исключения во влиянии территориальных чинов в отдельных австрийских землях сталкивались с компетенциями имперских органов власти вплоть до создания придворной канцелярии в 1620-е гг. Карьера для юристов на имперской службе стала в XVII и XVIII вв. весьма привлекательной, как показывает деятельность Имперского придворного совета. Он имел собственную канцелярию, в которую поступали все подлежащие регистрации акты. Но высшим контролирующим органом был Тайный совет [19, s. 74–88].

Особую роль в деятельности Имперского придворного совета играли рейхстаги и имперские депутатские совещания, в принятии решений которыми он участвовал. Рейхстаги 1582 и 1594 гг., которые лично посетил император, имели для Имперского придворного совета в церемониальном отношении особое значение. Часто Имперский совет сдвигал решения на срок за два или три месяца до открытия рейхстага, чтобы члены совета на рейхстаге могли чувствовать себя свободными. Характер Имперского придворного совета как продолжения средневекового королевского дворцового суда носил здесь публичный образ. Император приглашал некоторых членов княжеского сословия на заседания Имперского придворного совета. Кроме того, на них мог быть приглашён в качестве эрцканцлера Империи курфюрст Майнцский только во время работы рейхстага, на котором присутствовал император. В любом случае Имперский придворный совет представлял собой часть имперской системы управления с чётко обозначенными компетенциями. У имперского центрального управления было много недостатков: в частности тайное предательство, медлительность в решении дел, покровительство родственникам... Но главная проблема при Рудольфе II заключалась в координации имперской политики. Императорский двор с представителями различных придворных партий и дипломатами делал необходимым строгий отбор информации и выполнение органами управления своих функций. Во всяком случае, в конце XVI — начале XVII в. Имперский придворный совет не поддерживал требований католической партии о реституции бывших владений католической церкви, так как в условиях продолжавшейся войны с турками требовалось сохранять согласие в религиозных делах. Однако после окончания войн с турками в 1606 г. и раздоров императора и его брата Маттиаса императорский двор занял жёсткую конфронтационную религиозную позицию [19, s. 100–101, 121, 184–185].

Вообще в имперских городах чаще всего происходили опасные волнения как факторы нестабильности в имперской политике. Многочисленные городские конфликты, в которых приходилось разбираться Имперскому придворному совету, по сути дела подготовили почву для известного конфликта в Донауверте, где провокационная деятельность местного католического меньшинства способствовала ответной реакции протестантов, а уже затем герцог Баварский Максимилиан с санкции императора выступил на защиту католиков и захватил город. Но этот случай ещё не привёл к политически мотивированному протесту имперских чинов против имперской судебной системы. Впрочем, дело в Имперском придворном совете против Страсбургского протестантского соборного капитула побудило евангелические имперские чины отправить посольство в Прагу, где оно выразило протест против компетенции Имперского придворного совета в этом конфликте. Конечно, значение Имперского придворного совета увеличилось, но его нельзя интерпретировать просто как раннеабсолютистские притязания имперских властей. Всё же особая роль Имперского придворного совета в имперской политике заключалась не только в его решениях, но и во мнениях современников. Политический кризис 1600 г. показал истощение обычного права как основы правовой науки и стал толчком к подъ-

ёму имперского государственного права. Однако жалобы по религиозным вопросам со стороны протестантов направлялись в Имперский камеральный суд, если они касались религиозного мира. Имперский придворный совет за несколько десятилетий превратился в важный орган имперской политики. Деятельность имперской судебной системы при Рудольфе II принадлежала к программе подъёма имперской власти. Роль Имперского придворного совета усилилась. Но какова была цена, которую заплатила имперская власть за конфронтацию с агрессивной протестантской партией во главе с курфюрстами Пфальцскими, историки сказать не могут [19, s. 244, 265, 278, 285–286].

Споры о компетенциях Имперского придворного совета были центральным пунктом в дискуссии о конституционно-политических противоречиях перед Тридцатилетней войной. В XVIII в. выдающийся немецкий юрист Иоганн Якоб Мозер, характеризуя процессы в Имперском придворном совете, в довольно грубой форме рекомендовал их участникам «больше беречь себя перед горячей в действиях комиссий, чем перед чистой организацией». Прочитывая это высказывание Мозера, Е. Ортлиб отмечает, что императорские комиссии предоставляли Имперскому придворному совету многочисленные возможности в его деятельности, хотя не все аспекты его работы достаточно ясны. Императорские комиссии не были просто излюбленным инструментом Имперского придворного совета, но — элементом имперской конституции; и имели многообразные притязания, которые возникли в различных дискуссиях об имперской конституции и постоянно развивались дальше. Однако анализ работы комиссий и комиссаров не даёт ответа на вопрос, какие цели преследовал Имперский придворный совет, создавая комиссии. Во всяком случае, как пишет немецкая исследовательница, сравнивая заключения комиссий при Фердинанде II (1619–1637) и Фердинанде III (1637–1657), последний менее был склонен использовать комиссии в качестве агрессивной имперской политики. Его положение как главы Империи в различных имперских конфликтах и его присутствие в политических и правовых конфликтах внутриимперского союза это подтверждают [27, s. 47–81].

Всё-таки императорские комиссии Имперского придворного совета относились к механизмам, которые Священная Римская империя установила для правового урегулирования конфликтов. В первую очередь как правовые институты они стояли на почве имперского права. При императоре Фердинанде III усиливается роль комиссий Имперского придворного совета как органа, находящего выходы из конфликтов, что встречает понимание при императорском дворе и действует на практике. Комиссии являются дополнительным институтом к объяснению интеграции гетерогенного и в себе структурированного имперского союза. Императорские комиссии Имперского придворного совета делали Старую империю инструментом коммуникаций, ориентированным на поиск компромиссов и ослабления конфликтов, и это было особым достижением императорских комиссий Имперского придворного совета в Старой империи [28, s. 10, 19, 345, 363, 374–375].

Попытка защитить католическую церковь светским инструментом земельного мира и одолеть Реформацию с помощью права натолкнулась на недостаток исполнительной власти в Империи. Шмалькальденский союз как конфессиональное объединение, главной задачей которого было сохранение мира, по меньшей мере препятствовал преобразованию процессуальных решений. Разумеется, требовался католический противовес, то есть контрсоюз, а необходимых сил принуждения не было. Политика секуляризации в Гессене сохранялась некоторое время после Шмалькальденской войны и плена Филиппа Гессенского. Рекатолизация не могла осуществиться. Военный успех католической партии в Шмалькальденской войне был сведён к нулю восстанием князей в 1552 г. и договором в Пассау. По сути дела юридическое *status quo* 1544 г. было восстановлено. После подписания Аугсбургского религиозного мира 1555 г. было осуществлено окончательное формальное сохранение гессенского успеха в процессе территориализации реформаторских чинов Империи. Построение территориальной государственности и распространение лютеранства происходило без помощи имперского права, и имперская юстиция могла быть преодолена. Узкая ориентация на традиционное церковное право облегчила переход в новое внешне конфессионально нейтральное имперское церковное право [20, s. 345–347, 351–352].

Имперский придворный совет в течение раннего Нового времени занимал значительное место в государственно-правовой системе Старой империи, представляя важную тенденцию в её политической истории. Но был ещё и Имперский камеральный суд, менее подвластный императору. Отсутствие сильной исполнительной власти препятствовало их слиянию, и поэтому они могли функционировать только в рамках и реалиях Старой империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2002. 384 с.
2. *Прокопьев А. Ю.* Империя и имперские должности в раннее Новое время // Властные институты в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 144–186.
3. *Турьгин А. А.* Имперский камеральный суд в Германии и его история // Вестн. РГГУ. Серия Юридические науки. 2012. № 3(83). С. 212–218.
4. *Baumann A.* Die Gesellschaft in der Frühen Neuzeit im Spiegel der Reichskammergerichtsprozesses. Eine Sozialgeschichtliche Untersuchung zum 17 und 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien. 2001, 178 s.
5. *Baumann A.* Advokaten und Prokuratoren — Anwähle am Reichskammergericht (1690–1806). Köln u. a. 2006.
6. *Baumann A.* Advokaten und Prokuratoren am Reichskammergericht in Speyer (1495–1690): Berufwege in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Band 117. Wien; Köln; Weimar. 2000, s. 474–497.
7. *Breit S.* Die Nutzung des Reichskammergericht durch die Ostschwäbische Region // Das Reich in der Region während des Mittelalters und die Frühen Neuzeit / Hrsg. R. Kiepling und S. Ulmann. Konstanz. 2005, s. 125–159.
8. *Carl H.* „Schwerfälligen Andenkens“ oder „Das Recht interessant sein?“ Das Alte Reich in den neueren Forschungsliteratur // Zeitschrift für Historische Forschung, 2010, Hf. 1, s. 73–97.
9. *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. Neuzeit bis 1806. Karlsruhe. 1966, 552 s.
10. Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte. Stand der Forschungsperspektiven / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln u. a. 1990, 198 s.
11. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 5. Zeitalter des Absolutismus. Hrsg. von H. Neuhaus. Stuttgart. 1997, 460 s.
12. *Dick B.* Die Entwicklung des Kameralprozesse nach den Ordnungen von 1495 bis 1555. Köln; Wien. 1981, 455 s.
13. Die politische Funktion des Reichskammergerichts / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln u. a. 1993, 213 s.
14. *Diestelkamp B.* Das Reichskammergericht in Reichsleben des 16. Jahrhunderts // Rechtsgeschichte als Kulturgeschichte. Festschrift für Adalbert Erler zum 70. Geburtstag / Hrsg. von H.-J. Becker. Aalen. 1976.
15. *Diestelkamp B.* Der Reichserzkanzler und das Reichskammergericht // Der Mainzer Kurfürst als Reichserzkanzler. Funktionen, Aktivitäten, Ansprüche und Bedeutung des Zweiten Mannes im Alten Reich / Hrsg. von P. C. Hartmann. Stuttgart. 1997, s. 99–110.
16. *Duchhardt H.* Das Zeitalter des Absolutismus. 3 Aufl. München. 1998, 302 s.
17. *Duchhardt H.* Das Reichskammergericht // Oberste Gerichtsbarkeit und Zentrale Gewalt in Europa der Frühen Neuzeit / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln; Weimar; Wien. 1996, s. 1–14.
18. *Ehrenpreis S.* Die Tätigkeit des Reichshofrat um 1600 in der protestantische Kritik // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien., s. 27–46.
19. *Ehrenpreis S.* Kaiserliche Gerichtsbarkeit und Konfessionskonflikt. Der Reichshofrat unter Rudolf II. 1576–1612. Göttingen. 2006, 350 s.
20. *Friedrich W.* Territorialfürst und Reichsjustiz. Recht und Politik im Kontext der hessischen Reformationsprozesse am Reichskammergericht. Tübingen. 2008, 417 s.
21. *Fuchs R. P.* The Supreme Court of the Holy Roman Empire: The State of Research and the Outlook // The Sixteenth Century Journal, 2003, № 1, pp. 9–27.
22. *Härter K.* Das Recht des Alten Reich // Lesebuch Altes Reich / Hrsg. von S. Wengeroth und S. Westphal. München. 2006, s. 87–94.
23. *Hesse A.* Rechtshilfe am Reichskammergericht — Rechtshilfe in Beweisverfahren // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien, s. 155–167.
24. *Gschließer, O. von.* Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung. Schicksal und Besetzung einer obersten Reichbehörde von 1559 bis 1806. Wien. 1942, 559 s.
25. *Jahns S.* Das Reichskammergericht und seine Richter. Verfassung und Sozialstruktur eines höchsten Gerichts in Alten Reich, Bd. 1–2. Köln u. a., 2003–2011, s. 698, 701–1466.
26. *Kordes M.* Zum Verhältnis zwischen Reichskammergericht und Kurpfälzischem Reichsvikariat im frühen 16. Jahrhunderts // Zeitschrift für Historische Forschung, 2000, Hf. 1, s. 36–51.
27. *Lau Th.* Die Reichsstädte und der Reichshofrat // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 129–154.
28. *Ortlieb E.* Reichshofrat und kaiserliche Kommissionen in der Regierungszeit Kaiser Ferdinands III (1637–1657) // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 47–81.
29. *Ortlieb E.* Im Auftrag des Kaisers. Die kaiserliche Kommissionen des Reichshofrats und die Regelung von Konflikten in Alten Reich (1637–1657). Köln; Weimar; Wien. 2001, 426 s.
30. *Ranieri F.* Recht und Gesellschaft im Zeitalter der Rezeption. Eine Rechts- und des sozialgeschichtliche Analyse der Tätigkeit des Reichskammergericht im 16. Jahrhundert. 2 Bde. Köln; Wien. 1985, s. 251–252.

31. *Ruthmann B.* Das richterliche Personal am Reichskammergericht und seine politische Verbindungen um 1600 // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältniss. Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 1–26.
32. *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin. 1998 (1 Aufl. 1989), 543 s.
33. *Sellert W.* Der Reichshofrat // Oberstegerichtsbarkeit und zentrale Gewalt in Europa der frühen Neuzeit / Hrsg. von B. Diestekamp. Köln; Weimar; Wien. 1996, s. 15–44.
34. *Ullmann S.* Geschichte auf dem langen Bank. Die Kommissionen des Reichshofrat unter Kaiser Maximilians II (1564–1576). Mainz. 2006, 455 s.
35. *Westphal S.* Stabilisierung durch Recht. Reichsgerichte als Schiedetelle territoriale Konflikte // Staatsbildung als kultureller Prozess, Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von R. Asch, D. Freist. Köln; Weimar; Wien. 2005, s. 235–253.
36. *Westphal S.* Der politische Einfluss von Reichsgerichtsbarkeit am Beispiel der Thüringischen Kleinstaaten (1648–1806) // Reichshofrat und Reichskammergericht. Ein Konkurrenzverhältnis / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 83–109.
37. *Willoweit D.* Das Reich als Rechtssystem // Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation 962 bis 1806. Altes Reich und neue Staaten 1495 bis 1806 / Hrsg. von H. Schilling, W. Heun, J. Götzmann. Dresden. 2006, s. 81–90.

Поступила в редакцию 01.10.2018

Ивонин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
 ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
 E-mail: juri_ivonin@rambler.ru

Yu.E. Ivonin

THE IMPERIAL AULIC COUNCIL OF THE OLD REICH

The present article contains a comparative analysis of the functions and activities of the Old Empire's Aulic Council (that of the Holy Roman Empire of the German nation) in the Early Modern Time. The author demonstrates certain peculiarities of that court and the degree of influence exerted upon it on the part of the imperial authorities. The Imperial Aulic Council was created as a counterbalance to the Imperial Chamber Council which was to a greater degree the proponent of the territorial interests. The sittings of the Imperial Aulic Council were attended by the emperors thus constituting its composition. It is also worth mentioning that catholic estates were predominant inside the council. The Imperial Aulic Council constituted a part of the imperial management system with definitely delineated functions. Its creation was to consolidate the position and role of the imperial authorities. The significance of the Imperial Aulic Council increased but it could not be interpreted just as early-absolutist claims of the imperial authorities. The competence of the Imperial Aulic Council embraced arguments between imperial officials, as well as between territorial lords and land officials, between imperial towns and burghers. The author stresses that the work of the Aulic Council was regulated in a very detailed way, but was not efficient enough because of the absence of a strong executive power.

Keywords: Old Reich, Imperial Constitution, Germany, Imperial Chamber Court, Imperial Aulic Council, Imperial Aulic Council in the Old Reich.

REFERENCES

1. *Prokopiev A. Yu.* Germania v epochu religioznogo raskola 1555–1648 [Germany in the Time of Religious Split 1555–1648]. St. Petersburg, 2002, 384 p. (In Russian).
2. *Prokopiev A. Yu.* Imperia i imperskie dolzhnosti v rannee Novoe vremja [Empire and Imperial Posts in Early Modern Time]. Instituti vlasti in Evrope v srednie veka i rannee Novoe vremya [Institutes of Power in Europe in Middle Ages and Early Modern Time]. Moscow, 2011, pp. 144–186. [In Russian].
3. *Turigin A. A.* Imperskiy Kameralni Sud i ego istoriya [Imperial Chamber Court and its History]. Vestnik RGGU. Seriya Yuridicheskie nauki [Bulletin of RSHU. Jurisprudence Series], 2012, no. 3(83), pp. 212–218. [In Russian].
4. *Baumann A.* Die Gesellschaft in der Frühen Neuzeit im Spiegel der Reichskammergerichtsprozesses. Eine Sozialgeschichtliche Untersuchung zum 17 und 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien. 2001, 178 s.
5. *Baumann A.* Advokaten und Prokuratoren — Anwähle am Reichskammergericht (1690–1806). Köln u. a. 2006.
6. *Baumann A.* Advokaten und Prokuratoren am Reichskammergericht in Speyer (1495–1690): Berufwege in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Band 117. Wien; Köln; Weimar. 2000, s. 474–497.
7. *Breit S.* Die Nutzung des Reichskammergericht durch die Ostschwäbische Region // Das Reich in der Region während des Mittelalters und die Frühen Neuzeit / Hrsg. R.Kiepling und S. Ulmann. Konstanz. 2005, s. 125–159.

8. *Carl H.* „Schwerfälligen Andenkens“ oder „Das Recht interessant sein?“ Das Alte Reich in den neueren Forschungsliteratur // *Zeitschrift für Historische Forschung*, 2010, Hf. 1, s. 73–97.
9. *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. Neuzeit bis 1806. Karlsruhe. 1966, 552 s.
10. Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte. Stand der Forschungsperspektiven / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln u. a. 1990, 198 s.
11. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 5. Zeitalter des Absolutismus. Hrsg. von H. Neuhaus. Stuttgart. 1997, 460 s.
12. *Dick B.* Die Entwicklung des Kameralprozesse nach den Ordnungen von 1495 bis 1555. Köln; Wien. 1981, 455 s.
13. Die politische Funktion des Reichskammergerichts / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln u. a. 1993, 213 s.
14. *Diestelkamp B.* Das Reichskammergericht in Reichsleben des 16. Jahrhunderts // *Rechtsgeschichte als Kulturgeschichte*. Festschrift für Adalbert Erler zum 70. Geburtstag / Hrsg. von H.-J. Becker. Aalen. 1976.
15. *Diestelkamp B.* Der Reichserzkanzler und das Reichskammergericht // *Der Mainzer Kurfürst als Reichserzkanzler*. Funktionen, Aktivitäten, Ansprüche und Bedeutung des Zweiten Mannes im Alten Reich / Hrsg. von P. C. Hartmann. Stuttgart. 1997, s. 99–110.
16. *Duchhardt H.* Das Zeitalter des Absolutismus. 3 Aufl. München. 1998, 302 s.
17. *Duchhardt H.* Das Reichskammergericht // *Oberste Gerichtsbarkeit und Zentrale Gewalt in Europa der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von B. Diestelkamp. Köln; Weimar; Wien. 1996, s. 1–14.
18. *Ehrenpreis S.* Die Tätigkeit des Reichshofrat um 1600 in der protestantische Kritik // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien., s. 27–46.
19. *Ehrenpreis S.* Kaiserliche Gerichtsbarkeit und Konfessionskonflikt. Der Reichshofrat unter Rudolf II. 1576–1612. Göttingen. 2006, 350 s.
20. *Friedrich W.* Territorialfürst und Reichsjustiz. Recht und Politik im Kontext der hessischen Reformationsprozesse am Reichskammergericht. Tübingen. 2008, 417 s.
21. *Fuchs R. P.* The Supreme Court of the Holy Roman Empire: The State of Research and the Outlook // *The Sixteenth Century Journal*, 2003, № 1, pp. 9–27.
22. *Härter K.* Das Recht des Alten Reich // *Lesebuch Altes Reich* / Hrsg. von S. Wengeroth und S. Westphal. München. 2006, s. 87–94.
23. *Hesse A.* Rechtshilfe am Reichskammergericht — Rechtshilfe in Beweisverfahren // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien, s. 155–167.
24. *Gschließer, O. von.* Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung. Schicksal und Besetzung einer obersten Reichbehörde von 1559 bis 1806. Wien. 1942, 559 s.
25. *Jahns S.* Das Reichskammergericht und seine Richter. Verfassung und Sozialstruktur eines höchsten Gerichts in Alten Reich, Bd. 1–2. Köln u. a., 2003–2011, s. 698, 701–1466.
26. *Kordes M.* Zum Verhältnis zwischen Reichskammergericht und Kurpfälzischem Reichsvikariat im frühen 16. Jahrhundert // *Zeitschrift für Historische Forschung*, 2000, Hf. 1, s. 36–51.
27. *Lau Th.* Die Reichsstädte und der Reichshofrat // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältniss / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 129–154.
28. *Ortlieb E.* Reichshofrat und kaiserliche Kommissionen in der Regierungszeit Kaiser Ferdinands III (1637–1657) // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältnis / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 47–81.
29. *Ortlieb E.* Im Auftrag des Kaisers. Die kaiserliche Kommissionen des Reichshofrats und die Regelung von Konflikten in Alten Reich (1637–1657). Köln; Weimar; Wien. 2001, 426 s.
30. *Ranieri F.* Recht und Gesellschaft im Zeitalter der Rezeption. Eine Rechts- und des sozialgeschichtliche Analyse der Tätigkeit des Reichskammergericht im 16. Jahrhundert. 2 Bde. Köln; Wien. 1985, s. 251–252.
31. *Ruthmann B.* Das richterliche Personal am Reichskammergericht und seine politische Verbindungen um 1600 // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältniss. Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 1–26.
32. *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin. 1998 (1 Aufl. 1989), 543 s.
33. *Sellert W.* Der Reichshofrat // *Oberstegerichtsbarkeit und zentrale Gewalt in Europa der frühen Neuzeit* / Hrsg. von B. Diestekamp. Köln; Weimar; Wien. 1996, s. 15–44.
34. *Ullmann S.* Geschichte auf dem langen Bank. Die Kommissionen des Reichshofrat unter Kaiser Maximilians II (1564–1576). Mainz. 2006, 455 s.
35. *Westphal S.* Stabilisierung durch Recht. Reichsgerichte als Schiedetelle territoriale Konflikte // *Staatsbildung als kultureller Prozess, Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von R. Asch, D. Freist. Köln; Weimar; Wien. 2005, s. 235–253.
36. *Westphal S.* Der politische Einfluss von Reichsgerichtsbarkeit am Beispiel der Thüringischen Kleinstaaten (1648–1806) // *Reichshofrat und Reichskammergericht*. Ein Konkurrenzverhältnis / Hrsg. von W. Sellert. Köln; Weimar; Wien. 1999, s. 83–109.

37. *Willoweit D.* Das Reich als Rechtssystem // Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation 962 bis 1806. Altes Reich und neue Staaten 1495 bis 1806 / Hrsg. von H. Schilling, W. Heun, J. Götzmann. Dresden. 2006, s. 81–90.

Received 01.10.2018

Ivonin Yu. E., Doctor of History, Professor of the Department of World History
Smolensk State University
Przevalskogo st., 4, Smolensk, Russia, 214000
E-mail: juri_ivonin@rambler.ru